

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-162-171

А. А. Сомин¹*Российский государственный гуманитарный университет***KASTRYŃNICKAJA, KASTRYCHNITSKAYA****ИЛИ ОКTYABRSKAYA?****TRANSLITERATION CONFLICT IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN-BELARUSIAN BILINGUALISM**

В статье на примере частного случая транслитерации названий станций минского метрополитена рассматриваются проблемы, возникающие при транслитерации городских топонимов. Дополнительная сложность в рассмотренном случае возникает из-за несбалансированного русско-белорусского билингвизма. В работе анализируется конфликтный дискурс в социальных медиа, посвящённый этой проблематике, и проявляющаяся в нём наивная рефлексия.

Ключевые слова: транслитерация, латиница, топонимы, белорусский язык, государственный билингвизм, языковой конфликт, языковая политика, народная лингвистика, метаязыковая рефлексия

A. A. Somin*Russian State University for the Humanities***KASTRYŃNICKAJA, KASTRYCHNITSKAYA****OR OKTYABRSKAYA?****TRANSLITERATION CONFLICT IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN-BELARUSIAN BILINGUALISM**

The article discusses the problems that arise when transliterating urban toponyms based on the particular case of transliterating names of Minsk metro stations. An additional difficulty in this case arises from the unbalanced Russian-Belarusian bilingualism. The paper analyzes the conflict discourse in social media devoted to this issue, and the naive reflection that manifests itself in it.

Keywords: transliteration, Latin script, toponyms, Belarusian, social bilingualism, language conflict, language policy, folk linguistics, metalinguistic reflection.

Введение

В XX веке небывало возросла мобильность населения. Как и в случае с любыми другими глобальными изменениями, следствием этого стал целый комплекс сложностей. Среди этих проблем немало лингвистических – в первую очередь, связанных с переводом, и, в частности, с передачей имён собственных средствами другого языка. Разумеется, с этими трудностями человечество столкнулось

¹ Антон Александрович Сомин – научный сотрудник учебно-научной лаборатории социолингвистики Российского государственного гуманитарного университета, somin@tut.by.

задолго до XX века: взять хотя бы тот факт, что несколько тысяч лет назад необходимость записывать чужие имена собственные на своём языке привела к изобретению ребусного принципа письма и, как следствие, к идее фонетического письма как такового. Однако лишь в последнее столетие актуальным стал и другой аспект этой проблемы, а именно массовая передача **своих**, а не только чужих, имён собственных на другом языке и знаками другой письменности: речь идёт как о топонимах – названиях городов и городских объектов в передаче для иностранцев, так и об антропонимах – именах людей в заграничных паспортах (а также именах известных личностей во внутригородской топонимике).

В современном мире признанным языком международного общения стал английский, а международной письменностью – латиница. Соответственно, в большинстве случаев весь комплекс проблем передачи имён собственных – рассмотрим его на примере городской топонимике – сводится к решению трёх непростых вопросов (подробнее см. в [Сомин, 2019]):

1) для языков с латинской графикой – нужен ли перевод значимых элементов топонимов (например, следует ли дублировать название станции *Warszawa Wschodnia* как *Warsaw East*);

2) для языков с нелатинской графикой – помимо предыдущего вопроса актуален также вопрос выбора системы транслитерации (в московском метро станция «Тёплый Стан» за последние несколько лет передавалась как *Teply Stan*, *Tyoply Stan* и *Tyopliy Stan*);

3) в билингвальном обществе – с какого языка переводить и/или транслитерировать (должна ли станция казанского метро «Козья слобода» / «Кэжэ Бистэсе» передаваться на схеме как *Kozya Sloboda* или же *Keje Bistese* (или вообще *Käcä Bistäse* татарской латиницей)?).

Столкновение различных взглядов на решение этих проблем может приводить к конфликтной коммуникации, которую, в силу тематики спора, можно назвать языковым конфликтом. Настоящая статья будет посвящена одному из таких конфликтов – конфликтному дискурсу о проблеме передачи на схемах названий станций минского метрополитена в контексте русско-белорусского билингвизма, а также наивной рефлексии над этой проблемой.

Транспортная навигация в Минске в свете языковой ситуации в Беларуси

Языковую ситуацию в современной Республике Беларусь можно охарактеризовать как несбалансированный билингвизм: доминирующим является русский язык, тогда как белорусский используется мало, однако обладает престижем как национальный язык. Соответственно, выбор городскими властями русского языка в качестве языка коммуникации можно охарактеризовать как утилитарный, а выбор белорусского языка можно описать как символический. Противопоставление утилитаризма и символизма можно увидеть также и в делении общества на три группы с точки зрения отношения к белорусскому языку: есть те, кто использует его в повседневной коммуникации; те, кто говорит по-русски, но к белорусскому языку относится положительно; и те, кто говорит по-русски, а к белорусскому языку относится отрицательно (безусловно, есть и промежуточные случаи).

В целом же языковая политика минских властей (в общем совпадающая с общегосударственной) представляет собой некоторый баланс: при абсолютном доминировании русского языка белорусский язык используется на табличках с названиями улиц, в оформлении остановок, при объявлении остановок в общественном транспорте и т. п.

Иногда, однако, это соотношение смещается в ту или иную сторону. Так, например, победой утилитаризма можно считать то, что в 2011 году в минском метрополитене перезаписали по-русски аудиообъявления с призывами быть взаимно вежливыми. Руководство метрополитена объясняло это тем, что «минское метро проходит через большие транспортные артерии – автовокзал, железнодорожный вокзал, и далеко не все гости столицы могут понять по-белорусски», а также тем, что был «ряд жалоб – молодёжь не реагирует на призывы о взаимовежливости»². Аналогичная ситуация произошла в 2013 году, когда на русский язык перевели правила пользования метро, размещаемые под схемой линий; сами же названия станций остались написанными по-белорусски. Это изменение руководства метрополитена также объясняло тем, что «объявление следующей станции <по-белорусски> каждый поймёт, но не факт, что поймут правила»³. Победой же символизма можно считать белорусскоязычные названия станций на схемах и в объявлениях (что противоречит вышеупомянутой идеи общепонятности: едва ли гости столицы хорошо осознают, что за названием *Кастрычніцкая* скрывается *Октябрьская*), а в ещё большей степени – тот факт, что при унификации и подготовке городской навигации Минска к приёму Чемпионата мира по хоккею в 2014 году белорусскоязычные указатели были продублированы по-английски, но не по-русски, хотя большая часть гостей чемпионата ожидалась из России. При этом языком-источником при транслитерации названий латиницей стал именно белорусский. Безусловно, это предпочтение символизма в ущерб утилитаризму, так как в преимущественно русскоязычном Минске вопрос о местонахождении *Pobedy square*, по-видимому, имеет больше шансов на получение ответа, чем вопрос о *Pieramohi square*.

В ситуации же, которая рассматривается в настоящей статье, более интересным кажется вопрос выбора системы транслитерации. В большинстве ситуаций (например, в российских городах) транслитерация по умолчанию проводится по английскому образцу, а предметом для обсуждения являются только трудные случаи вроде (не)передачи *ь* и *ё*, способа записи *щ*, *х* и йотированных гласных и т. п. (подробнее см. [Кибрик, 2015]); исключением являлась разве что смена системы транслитерации в российских загранпаспортах, которая до начала 2000-х ориентировалась на французскую орфографию. В случае же минского метро (а позже и других городских указателей) имелась альтернатива: кроме стандартной англоцентричной системы можно было выбрать систему, основанную на белорусском латинском алфавите с диакритическими знаками – так называемой «латинке», использовавшейся до 1920-х годов в белорусской печати наряду с кириллицей. В пилотном

² <https://n1.by/news/209715-obyavleniya-v-minskom-metro-pereveli-na-russkiy-yazyk>

³ <https://nashaniva.com/?c=ar&i=114390>

проекте, опробованном летом 2012 года на одной из станций, а также на некоторых дорожных знаках, использовалась англоязычная транслитерация, причём в достаточно странном варианте: *проспект Незалежнасці* ‘проспект Независимости’ был транслитерирован как *Nezalezhnasci ave.* (что, возможно, является опечаткой: такое написание было представлено на дорожных указателях, в метро же буква *ц* передавалась через *ts* – правда, в других названиях), *Уручча* ‘Уручье’ – как *Uruccha*, а буква *ў* передавалась как обычное *u* (*Маскоўская* ‘Московская’ – *Maskouskaya*).

Однако спустя несколько месяцев на заседании Топонимической комиссии было принято решение использовать для транслитерации топонимов в практически неизменном виде традиционную латинку. Размещение указателей с новой системой транслитерации, использующей непривычные для неспециалистов диакритические знаки – акуты и гачеки, а также буквы *j*, *h* и сочетание *ch* для передачи йотации, фрикативного *g* и *x* соответственно, спровоцировало бурю негодования и активное обсуждение в социальных медиа – что представляет большой интерес для социолингвиста. Прежде наивная рефлексия в белорусских социальных медиа становилась объектом социолингвистического анализа в работах [Мячкоўская, 2012] – о языковом самоопределении белорусов [Лянкевіч, 2013] – об отношении к белорусскому языку и [Сомин, 2015], где автора интересовала метаязыковая рефлексия в комментариях к белорусскоязычным статьям несоциолингвистической тематики. В этой работе я также постараюсь проанализировать языковой конфликт и выделить ряд «языковых мифов» (по П. Гаррету [Garrett, 2011]), используя в качестве материала обсуждения транслитерации названий станций метро в социальных медиа. Часть анализируемых комментариев взята из обсуждений под новостными статьями портала TUT.by, ныне недоступными из-за его блокировки белорусскими властями, другая часть – из споров о транслитерации на альтернативной схеме минского метро, разработанной и опубликованной российским дизайнером Ильёй Бирманом и какое-то время обсуждавшейся в белорусском интернете.

Языковые мифы о транслитерации городских топонимов: анализ комментариев в социальных медиа

Проанализированные комментарии затрагивают все три основных вопроса транслитерации, а также демонстрируют некоторые частные языковые мифы.

1. Язык-источник перевода

Некоторые комментаторы возмущаются выбором белорусских вариантов названий как источника для транслитерации (и перевода):

(1) *Все очень понятно – транскрип белорусского языка. Наши чиновники прогибаются как могут. Вы уже утомили белорусским языком. Вообще родным языком считается тот язык на котором мы разговариваем дома, а он на 99.99% русский в городах <...>*

(2) *Если бы на русском языке вместо мовы..*

(3) *И, да, где русский язык на схеме? Что за нарушение закона о равенстве двух государственных языком, тем более что на белорусском никто не разговаривает. Так, на грани погрешности.*

Интересно, что в ряде случаев комментаторы считают необходимым указать, что выступают не против белорусского языка как такового, а только за выбор понятного большинству языка (иными словами, за утилитаризм и против символизма):

(4) *Названия пусть будут лучше на Русском языке, большинству будет понятнее, Особенно приедем. К Беларускаму отношусь нормально..*

Любопытно, что схожие рассуждения можно найти и в отношении к записи имён в паспортах. В примере ниже также обращает на себя внимание выражение «как положено», подразумевающее «ненормальность», с точки зрения комментатора, использования белорусского как языка-источника при транслитерации:

(5) *Почему в этой стране где 2 нац. языка транслит имени и фамилии не делают как положено, с русского языка на английский!!!!!!*

2. Перевод элементов топонимов

В мировой практике принято считать названия станций метро/электричек непереводаемыми топонимами независимо от их связи с тем, что находится рядом и в честь чего они названы (исключения – вокзалы и аэропорты, а также редкие другие: например, в Кёльне объявление о станции *Köln Messe* дублируют по-английски как *Cologne Trade Fair*). В частности, отсутствие перевода в этих случаях служит для того, чтобы иностранец смог соотнести надпись на станционном указателе или на схеме с тем, что объявляет автоинформатор. Подобную логику, однако, разделяют не все комментаторы:

(6) *Опять микроскопом звезды забивают. Стандарты надо еще обособленно применять. Почему не обозначить станцию, для примера, просто Station Academy of Sciences? Ангоязычным сразу станет ясно – а ведь это главная цель*

(7) *Какой Институт культуры Instytut kultury!? Какому бездарю это доверили сделать. Например станцию Институт культуры нужно просто перевести на англ. язык – Institute of Culture.*

В последнем случае пишущий считает подобный подход не просто неудачным решением, а ошибкой, связанной с недостаточной компетенцией и, возможно, незнанием английского языка человеком, выполнившим перевод схемы (отмечу, что это не абсолютно беспочвенные подозрения, ср. не единичные случаи перевода топонимов с помощью машинных переводчиков с дальнейшим использованием этих результатов для изготовления уличных указателей: например, *St. Shotgun* как перевод *Ружейной улицы* в Сочи⁴ или *Clinic them. Pirogov* на указателе к *Клинике им. Н. И. Пирогова* в Санкт-Петербурге⁵). Этот случай можно рассматривать как проявление ещё одного частного языкового мифа, достаточно распространённого в белорусской наивной метаязыковой рефлексии – **мифа о некомпетентности или сознательной вредительской деятельности лингвистов или других ответственных лиц** (подробнее о его проявлениях в обсуждениях лексики и грамматики белорусского языка см. в [Сомин, 2015, с. 76] и [Krongauz, 2022]); другие его проявления можно будет увидеть и в большинстве цитат ниже.

⁴ <http://smartnews.ru/regions/krasnodar/14043.html>.

⁵ <https://regnum.ru/news/cultura/1703079.html>.

В отличие от названий станций, указатели на объекты, в честь которых станции названы, обычно переводятся. С таким подходом тоже согласны не все авторы комментариев. Так, например, в примере (8) пишущий спорит со сторонниками перевода названий станций, однако возражает и против перевода названия одной из достопримечательностей – Троицкого предместья:

(8) *Если ко мне подойдет иностранец и спросит «How can I get to Trinity Hill?», я скорее всего не смогу ответить, потому что Троицкое никак не ассоциируется ни с Trinity, ни с Hill. А предместье – это suburb или district.*

Аналогично со станциями метро:

Youth station

Stone hill station

East station

Auto factory station [Молодёжная, Каменная Горка, Восток, Автозаводская – А.С.]

ИМХО ужасно.

Отмечу, что после завершения работы по обновлению указателей, называющих наземные объекты, далеко не на всех из них оказались именно переводы: в ряде случаев транслитерировалось буквально всё без оглядки на то, является ли слово нарицательным или собственным. Так, например, можно найти указатель, сообщающий, где находится *Ustanova “Respublikanski centr fizičnaha vuhavannia i sportu”* (кириллицей – *Установа «Рэспубліканскі цэнтр фізічнага выхавання і спорту»*) ‘Учреждение «Республиканский центр физического воспитания и спорта»’, что, очевидно, бессмысленно с любой точки зрения.

3. Выбор системы транслитерации

Наиболее же частым источником возмущения в комментариях стало использование системы транслитерации, основанной на традиционной белорусской латинке (обращу внимание, что при дальнейшем анализе я не даю свою оценку правильности или неправильности использования данного способа транслитерации). Здесь можно выделить несколько «подмифов» и частных заблуждений (при этом миф о некомпетентности в большей или меньшей степени присутствует в каждом из этих пунктов).

а) английский язык как главный и единственный язык:

(9) *А для чего английский тогда нужен? Слабо было перевести сразу названия всех станций на английский? Кто там вообще сидел и думал что как рисовать?*

(10) *Считаю, что беларуский транслит должен быть ближе к английскому⁶...*

Ср. также пример (5).

⁶ Выделение жирным в примерах моё – А.С.

б) непохожесть на английский и использование диакритики как отклонение от нормы:

(11) *Молодцы, перекосить станции метро на непонятные закорючки – это результат...*

(12) *Это что за бред??? У кого там енти штучки над буквами ... – из Новинок⁷ кого-то досрочно выпустили?*

(13) *да и убрать эти надписи на чухонском латиницей. А подписать на русском, белорусском, английском и немецком. [здесь соединяются идеи и о необходимости перевода вместо транслитерации, и о ненормальности выбранной системы. – А.С.]*

(14) *урусса, ущод, плоска джакуба и прочие хрюшевки веселят канеш.*

[имеются в виду транслитерации станций *Urušč’a (Уручча)* ‘Уручье’, *Uschod (Усход)* ‘Восток’, *Plošč’a Jakuba Kolasa (Плошча Якуба Коласа)* ‘Площадь Якуба Коласа’ и *Hrušajka (Грушаўка)* ‘Грушевка’. Отмечу, что название *Hrušajka* вызвало наибольший ажиотаж среди комментаторов. – А.С.]

(15) *Раньше была Хруссаука, теперь Хрушчоука, все норм, экспериментируйте дальше [комментарий к схеме И. Бирмана, где использована транслитерация по английскому образцу – *Hrushauka* – А.С.]*

Сюда же, вероятно, можно отнести и общее недовольство выбранной системой транслитерации:

(16) *Транслитерация нужна для того, чтобы написанное понимали иностранцы. Если иностранцы её не понимают, то зачем она вообще нужна? Зато по ГОСТу.*

В этом вся суть гос. показухи и бюрократизации...

(17) *Главное что убрали эти ужасные переводы латиницей [комментарий к схеме И. Бирмана. – А.С.]*

в) неверное представление о графике других языков:

(18) *Что за бред опять придумывают? Скажите имя и должность чиновника(ов) уродующих наш город?*

Зачем нам этот польский транслит?

Я – против всеми руками и ногами.

(19) *Этот транскрипт имхо очень похож на Эсперанто – международный язык*

(20) *Хорошо ещё, что написали по второй таблице ГОСТа на транслитерацию, а не как теперь – на польско-литовском. [комментарий к схеме И. Бирмана. – А.С.]*

Хотя встречаются и комментарии знающих людей:

(21) *Литовцы могут радоваться, их лобби победило, именно в Литовском языке есть буквы Ч, Ш и т. д. с такими галочками над буквами и литовец в данной ситуации прочитает думаю более менее правильно)))) европеизируемся, а шо?))*

⁷ Новинки – разговорное название Республиканского научно-практического центра психического здоровья

При этом по понятным причинам в обсуждении схемы Ильи Бирмана, ориентирующегося на английскую орфографию, активность сторонников использования транслитерации, основанной на традиционной латинке, выше, чем в обсуждениях официальной схемы. Вот несколько примеров критики выбранной И. Бирманом системы:

(22) *Ужасная транслитерация, создатели верят, что это будет легче читать, чем латинку, которой пользуются сейчас. Maladziojnaya, Kupalayskaya – ребята, вы серьёзно?* [по всей видимости, вариант *Kupalayskaya* был опечаткой в первой версии схемы: в настоящей момент в схеме на сайте дизайнера эта станция транслитерирована как *Kupalaukskaya*. – А.С.]

(23) *Што гэтыя вычварэнцы зрабілі з нашай лацінкай?* [‘Что эти извращения сделали с нашей латинкой’]

Среди сторонников транслитерации традиционной латинкой частотны аргументы о том, что языки Восточной Европы, использующие диакритику, не переписывают свои названия для носителей языков, не знакомых со спецсимволами, и что английский воспринимается как базовый язык только нами, тогда как французы, немцы, испанцы и другие западные европейцы будут читать транслитерацию по правилам орфографии своего языка, а не английского:

(24) *Ну и зря. Никто в Польше или Чехии на английскую латиницу никакие названия не переводит.* [ответ на фразу Ильи Бирмана «Вместо гостовского транслита мы используем понятную латиницу». – А.С.]

(25) *Для тех, кто до сих пор не вылез из танка:*

Понятная для кого латиница?

В каждой стране с латинским алфавитом свои правила чтения.

Park Chalyuskintsau прочтут как-то так:

1) *немец – парк халыускінтсау*

2) *анличанин – парк чэльюскинцау*

3) *француз – парк шалюскинсо* [речь о станции *Парк чалюскінцаў* ‘Парк челюскинцев’. – А.С.]

г) неверные представления о традиционной белорусской латинке:

Возможно, это наиболее интересный тип частного заблуждения. Несмотря на то, что используемая система отличается от традиционной латинки лишь передачей твёрдости/мягкости звука *л* (*ла / ля / ль* выглядит как *la / la / l* в текстах начала XX века и как *la / lia / l̃* в современной транслитерации), знание о существовании латинского шрифта до институциональной русификации белорусского языка⁸ вкуче с представлением о некомпетентности лингвистов и чиновников приводит к появлению комментариев с подобным заблуждением:

(26) *В своё время, кажется до 1912 года, белорусские газеты использовали кириллический и шрифт и латиницу. Надо просто применить старый шрифт латиницу, так как это наш национальный памятник культуры. Где надо можно продублировать надписи на английском, а названия – на латинице.*

⁸ На самом деле, от латиницы в пользу кириллицы отказались ещё на рубеже 1910-х – 1920-х годов до латинизации языков СССР.

(27) *А по сабжу, так и тут выпендрились. Тут не с первого раза прочитаешь, и даже у знакомого с новомодной белорусской транслитерацией не сразу получится правильно изобразить этот гений мысли.* [интерпретировать этот комментарий я затрудняюсь – А.С.]

Заключение

Подведём итоги. В этой небольшой статье были представлены основные проблемы, с которыми сталкиваются специалисты, адаптирующие городскую навигацию для нужд иностранцев, и был рассмотрен языковой конфликт, связанный с решением этих проблем при создании схем минского метро в условиях русско-белорусского билингвизма. Так, выбор языка-источника для перевода связан с противоречием между утилитаризмом и символизмом, а выбор системы транслитерации провоцирует конфликтную коммуникацию, в которой проявляется ряд языковых мифов: о насильственном насаждении белорусского языка и дискриминации русского; о неграмотности или осознанном вредительстве ответственных лиц и/или лингвистов; о единственности, главенстве и «нормальности» английского языка и, соответственно, непохожести на него как отклонении от нормы; а также неверные представления о графике других европейских языков и о традиционной белорусской латинке.

В завершение отмечу, что к конфликтному обсуждению транслитерации топонимов достаточно близка конфликтная коммуникация, посвящённая транслитерации имён в белорусских паспортах. Отличает её то, что в паспортах используется транслитерация по английскому образцу, а также принципиальная разница между переводом личных имён, имеющих когнаты в разных языках, и переводом топонимов. Обсуждению транслитерации имён в паспортах планируется посвятить отдельную статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кибрик, А. А. Русский язык латиницей – на примере дорожно-уличной сети Москвы / А. А. Кибрик, Ю. Б. Коряков, В. А. Плунгян, О. В. Фёдорова // Презентация. – Москва, 2015. – URL: http://www.dialog-21.ru/media/2089/kibrik_translit.pdf. (Дата обращения: 01.02.2022).

Лянкевіч, А. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыяле дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах) / А. Лянкевіч // Acta Albaruthenica. – 2013. – Т. 13. – С. 145–159.

Мячкоўская, Н. Б. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнеце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне / Н. Б. Мячкоўская // Новае слова ў мовазнаўстве: матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы» (20–21 мая 2010 года) / пад рэд. С. М. Запрудскага, Г. А. Цыхуна. (Беларусіка=Albaruthenica; кн. 32). – Мінск, 2012. – С. 260–272.

Сомин, А. А. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ / А. А. Сомин // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение» / Московский лингвистический журнал. – 2015. – Том 17 (1). – С. 62–86.

Сомин, А. А. Билингвизм и транслитерация: проблема передачи городских топонимов в многоязычном мире / А. А. Сомин // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми: материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии. – Москва: РГГУ, 2019. – С. 74–82.

Garrett, P. Attitudes to language / P. Garrett. – Cambridge, 2011. – 269 p.

Krongauz, M. Language as a Source of Conflict in Mono- and Multilingual Situations / M.A. Krongauz, A.A. Somin // Languages in conflict situations – Russia and Ukraine / D. Müller, M. Wingender (eds.). – Weisbaden: Harrassowitz, 2022 (в печати).

REFERENCES

Kibrik, A. A. Russkij yazyk latinicej – na primere dorozhno-ulichnoj seti Moskvy / A. A. Kibrik, Yu. B. Koryakov, V. A. Plungyan, O. V. Fyodorova // Prezentaciya. – Moskva, 2015. – URL: http://www.dialog-21.ru/media/2089/kibrik_translit.pdf. (Data obrashcheniya: 1.02.2022).

Liankievič, A. Staŭliennie da bielaruskaj movy ŭ internet-kamunikacyi (na materyjalie diskurs-analizu kamientaryjaŭ na internet-forumach) / A. Liankievič // Acta Albaruthenica. – 2013. – T. 13. – S. 145–159.

Miačkoŭskaja, N. B. Narodnaja linhvistyka ŭ bielaruskim internecie: mietamoŭnaja refleksija i moŭnaje samavyznačennie / N. B. Miačkoŭskaja // Novaje slova ŭ movaznaŭstvie: materyjaly V Mižnarodnaha kanhresa bielarusistaŭ «Novaje slova ŭ bielarusistyca» (20–21 maja 2010 hoda) / pad red. S. M. Zaprudskaha, H. A. Cyhuna. (Belarusika=Albaruthenica; kn. 32). – Minsk, 2012. – S. 260–272.

Somin, A. A. Yazykovaya refleksija v sovremennoj Belarusi skvoz' prizmu kommentarijev v internet-SMI / A. A. Somin // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie» / Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. – 2015. – Tom 17 (1). – S. 62–86.

Somin, A. A. Bilingvizm i transliteraciya: problema peredachi gorodskih toponimov v mnogoyazychnom mire / A. A. Somin // Pnimaya gorod: kommunikaciya s prostranstvom, vremenem i lyud'mi: materialy XIX Mezhdunarodnoj shkoly po fol'kloristike i kul'turnoj antropologii. – Moskva: RGGU, 2019. – S. 74–82.

Garrett, P. Attitudes to language / P. Garrett. – Cambridge, 2011. – 269 p.

Krongauz, M. Language as a Source of Conflict in Mono- and Multilingual Situations / M.A. Krongauz, A.A. Somin // Languages in conflict situations – Russia and Ukraine / D. Müller, M. Wingender (eds.). – Weisbaden: Harrassowitz, 2022 (v pečati).